

Антонова Елена Леонидовна, Таранова Александра Евгеньевна

"МОДЕЛИ" МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРИЛОЖЕНИЯ К УСЛОВИЯМ СОВРЕМЕННОЙ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ РОССИИ (ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ)

В статье раскрывается понимание мультикультурализма как культурно-исторического феномена и инструмента современной политики. В основании исследования лежит анализ мультикультурной сущности западной цивилизации сквозь призму концептуальной реконструкции. Особое внимание уделяется рассмотрению "моделей" мультикультурализма как "инструментов воздействия" на трансформируемые общества в условиях политической глобализации, осмысливается методология приложения идеологии мультикультурализма к условиям современного российского общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/8/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(70) С. 19-24. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

**ROLE OF RUSSIAN AUTHORITIES IN PROVIDING TRADE SECURITY IN COASTAL DAGESTAN
IN THE XVIII CENTURY (BY THE MATERIALS OF KIZLYAR COMMANDANT ARCHIVE)**

Abdusalamov Magomed-Pasha Balashovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Dagestan State Institute of National Economy
vikingpasha@mail.ru

Murtazaev Arsen Omarovich, Ph. D. in History
Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
arslist777@mail.ru

Relying on the materials of Kizlyar Commandant Archive the article examines trade in coastal Dagestan in the XVIII century. A trade route, which passed through Kumykia, was dangerous for merchants-travellers, who were often attacked by the local residents. The Russian authorities wished to secure the trade route of coastal Dagestan, forbade the local feudal lords and their subjects to commit plunder on the roads. Kizlyar commandants' policy was aimed to provide secure trade in Dagestan on the whole.

Key words and phrases: Kizlyar commandant; Russian authorities; coastal Dagestan; Kumykia; trade; dues; merchants; robberies.

УДК 130.2

Философские науки

В статье раскрывается понимание мультикультурализма как культурно-исторического феномена и инструмента современной политики. В основании исследования лежит анализ мультикультурной сущности западной цивилизации сквозь призму концептуальной реконструкции. Особое внимание уделяется рассмотрению «моделей» мультикультурализма как «инструментов воздействия» на трансформируемые общества в условиях политической глобализации, осмысливается методология приложения идеологии мультикультурализма к условиям современного российского общества.

Ключевые слова и фразы: мультикультурализм; культурная травма; трансформация; социокультурные процессы; глобализация; европоцентризм; идентичность; постмодернизм.

Антонова Елена Леонидовна, к. филос. н., доцент
Белгородский государственный институт искусств и культуры
antonova.bgik@yandex.ru

Таранова Александра Евгеньевна, к. соц. н., доцент
*Белгородский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Д. Путилина*
taranova.bsu@yandex.ru

**«МОДЕЛИ» МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ИХ ПРИЛОЖЕНИЯ К УСЛОВИЯМ СОВРЕМЕННОЙ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ РОССИИ
(ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ)**

Социокультурные процессы, протекающие в современном российском обществе, – явление сложное, трудно дифференцируемое и не поддающееся однозначному определению. Тем не менее, в их течении просматриваются симптомы «культурной травмы», порождаемые скрытым конфликтом внутри культуры. Виной всему – антиномичность, которая в эпоху «политической глобализации» [8, с. 166] проявляет себя во всей мощи своих интеграционных и дезинтеграционных потенций: чем стремительней идет процесс унификации политической, финансово-экономической, правовой и правоприменительной систем, приближающей возделанный Западом «конец истории» (Ф. Фукуяма) посредством уничтожения национальной политики и международного права¹, тем глубже становятся межкультурные, межкультурные, межконфессиональные и межэтнические расхождения, порождающие глобальные потрясения и конфликты как предвестники «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон). Это означает, что в ходе политической глобализации попытки стандартизации одних сторон жизни неизбежно приводят к «дисгармонии» других как реакции на разрушение исторически сложившейся системы социально-культурного взаимодействия и культурно-цивилизационной идентичности. Для политической глобализации – как «неестественноисторического» процесса – такой результат является отрицательным, так как «единый стиль не только не складывается, но заменяется “плюрализмом”, конкуренцией и конфронтацией стилей жизни» [17, с. 181], которые порождают «хаос», не снимающий,

¹ Уже сегодня, когда, по замечанию В. В. Оглезнева, «различия между “своими” и “чужими” делами, внутренними политическими проблемами и внешними вопросами, суверенными делами национального государства и международными соображениями провести не так просто», новые социальные технологии, направленные на ускорение политической глобализации «предполагают исключение территориального признака из понятия политической власти» [10, с. 167-168], что делает понятия «международная политика» и «международное право» словосочетаниями, лишенными всякого смысла.

а ускоряющий нарастание социокультурного, политического и «правотолковательного» напряжения в глобально трансформируемых не-западных обществах. Напряжение усиливается попытками Запада привить толерантность к извращенным формам проявления мультикультурализма как дестабилизирующей практики в поликультурных регионах, традиционно отличавшихся культурной и религиозной терпимостью.

Осмысление феномена мультикультурализма, начатое в 60-х гг. XX ст. Г. Тернборном, в XXI веке обретает новое методологическое измерение. Как известно, понятие «мультикультурализм» Г. Тернборн рассматривает только в трех контекстах: 1) в политическом; 2) эмпирическом, дескриптивном либо аналитическом и 3) в правовом, поскольку речь у него идет о «моделях» мультикультурализма в формате «политуправления» и «политкорректности», разрабатываемых мультикультурным Западом для «внутреннего потребления». Показательно, что как и у самого Тернборна, у его ближайших последователей нет и намека на «идеологический» аспект мультикультурализма, хотя уже с конца 80-х гг. XX ст. мультикультурализм из «социологической» проблемы все явственнее трансформируется в проект, нацеленный на «децентрацию» Старой Европы, а с конца 90-х – в инструмент тотальной дестабилизации не-западного мира как «мировой периферии».

Здесь на первый план выходит проблема «центрации-децентрации» – деления глобального социально-культурного пространства на «центр» и «периферию» – как главная «стратегема» англо-саксонской «ложи» европейских либерал-демократов, направленная на достижение «одностороннего» экономического, политического и правового нигилизма, возникшая задолго до старта современной политической глобализации. Так, начиная с эпохи Просвещения и до второй половины XX столетия, Европа на почве «европоцентризма» – преувеличенной самооценки в самоистолковании себя и заниженной оценки в истолковании места России и других не-западных культур в мировом культурно-историческом процессе – самопровозглашает себя мировым цивилизационным центром. Со второй половины XX ст. таким «центром» и выразителем идеологии «западоцентризма», конституирующего культурный и «правовой» плюрализм в качестве доктринально-правового и теоретико-методологического принципа» [4, с. 122] построения нового миропорядка, становятся США. Механизмом построения «нового мирового порядка» США избирают экономическую и политическую глобализацию как способ достижения предельной «центрации-децентрации». В этом проекте мультикультурализм используется как технология дестабилизации ситуации не только в многосоставных обществах Старой Европы, но и в поликультурных и поликонфессиональных регионах (Балканы, Россия, Ближний Восток) как «новой периферии».

Однако при попытке наложения западной «модели» мультикультурализма на культуру России на рубеже XX – начала XXI в. не учитывается, что «западный» мультикультурализм имеет этиологию, отличную от т.н. «русского»: Россия изначально формировалась не как мультикультурное, а как многонациональное государство, субъектом которого выступал народ как культурно-историческая общность, объединяемая единой исторической судьбой, духовным и психическим складом. Этот факт позволяет понять, почему в России на уровне общественного сознания формируется такой феномен, как общекультурная и историческая идентичность, практически сводившая конфликты на этнической и религиозной почве к минимуму, в то время как на Западе, с его моделью нации как социально-политической (а не культурно-исторической, как в России) общности, идентичность сводится к искусственному конструкту под названием «национальная идентичность», что и порождает перманентный кризис. Если сделать обобщенный анализ социальной деятельности Запада и России, можно убедиться, что первому органически свойственны «экстравертность» и «инструментальные ценности (ориентация на индивидуальную независимость и личный успех)» [2, с. 40] стремящегося реализовать себя в отношениях с внешним миром индивида, где ищется критерий оценки степени достижения самореализации), а второй – «интравертность» и коммуникативные ценности (ориентация личности на ближайшее окружение, общие – коллективные – цели, идеалы и ценности [Там же]).

В данном контексте следует различать «мультикультуральность и многосоставность как состояние, находящее во многих культурных пространствах» [8, с. 175], а не только в России, и мультикультурализм как набор теорий и практик, направленных «на разрушение привычной господствующей модели» [Там же] культуры путем «включения» в систему социального взаимодействия одних для «исключения» других. В этой связи речь должна идти об идеологическом и «политтехнологическом» контекстах мультикультурализма как «модели» и «инструмента» управления процессами дезинтеграции, встраиваемой в модернизационные теории нового поколения, разработанные для «демократической» трансформации культур не-западного типа, по сути, подготавливающие почву для «нового мирового порядка». Так «проект мультикультурализма из... локальной истории, характерной для США и отчасти Западной Европы (хотя мультикультурализм впервые был конституализирован в двух бывших колониях Британской империи – Канаде и Австралии)» [Там же], превращается в глобальный проект, навязываемый всему миру.

Показательно, что и в самом мультикультурном пространстве западного общества, где мультикультурализм официально выступает как «хронологически и географически локализуемая форма публичного говорения и письма по поводу современного общества, опирающегося на понятие “культура” как средство дифференциации общества» [12, с. 103], последний превращается в инструмент политического, идеологического и «правового» давления «нетрадиционалистских» меньшинств на «традиционалистское» большинство. В том, что культура на Западе выступает как «средство дифференциации общества», нет ничего удивительного: начиная со Средневековья, урбанистическая Европа сознательно отказывается от «собирающего начала» культуры [13, с. 44]. В условиях, когда каждое сословие выступает как автономная, замкнутая на себя «субкультура» (М. С. Каган) со своими узко сословными культурными традициями и ценностями, европейские общества формировались как «мультикультурные», дифференциация в которых проводилась по «формам культурной жизни» (субкультуры «элиты», бюргерская субкультура города, субкультуры низов). Именно поэтому в европейских сообществах (за исключением Германии), где не складываются ни общекультурная

традиция как механизм сохранения культурной преемственности, ни «вертикальная устремленность» культуры, ни «общекультурная» идентичность, формируется феномен «односторонней» демократии, откуда вытекает двойная стратегия поведения и общения: одна – «для себя», другая – «против иных» как принципиально нерефлексируемая ценность. «Освобожденные» от культурной преемственности и общекультурной идентичности – отчего одна историческая эпоха (Античность, Средневековье, Возрождение и т.д.) возникает как отрицание другой, – западноевропейские общества исторически «унифицируются» по «мещанскому» (бюргерскому), а идентифицируются по «групповому» (клановому, классовому) «субкультурному» образцу. По сути, здесь речь идет о генетически свойственной Западу «модели» мультикультурализма, отчего в западноевропейской религиозно-философской мысли и постулируется идея европейского единства (трактат «О возвращении Святой земли» 1305-1307 гг.). Так зарождается проект «единой Европы», о котором, по резонному замечанию В. В. Веселовой, «Россия до сих пор не имеет адекватного представления» [3, с. 32], как не имеет представления и о роли последнего в европейской интеграции после Второй мировой войны. И хотя такая «проект-идея» не только «живет и передается от поколения к поколению уже семь столетий» [Там же], но и реализуется в создании Евросоюза как отчаянной попытке искусственно сложить европейский «супер-этнос», оснований для достижения реальной европейской интеграции, как и прежде, несоизмеримо меньше, чем для его, Евросоюза, самоликвидации.

Означенный факт позволяет понять, почему «оттепель» Просвещения, направленного на поиск универсализма в культуре и праве сменяется «эпохой» модерна, а затем – постмодерном, постулирующим плюрализм при описании исторического процесса, выступивший действенным средством «дезинтеграции» науки и общественного сознания.

Как результат, «программные» постмодернистские установки, направленные на ниспровержение «больших идеологий» как «неординарных эвристических стратегий», обремененных, по мнению постмодернистских идеологов, такими пороками, как метафизичность и фундаментализм, оборачиваются разрушением основополагающих духовных смыслов как ценности, на руинах которых манифестируются «голый» аргумент постмодернистского дискурса, неподвластного ни нравственным, ни рациональным, ни правовым оценкам.

Одно из главных последствий постмодернистского дискурса есть утрата понимания онтологических границ существования как почва для возникновения не только абсурдных, но и гибельных – тотальный мультикультурализм в их числе – проектов «посткультуры». И чем больше постмодернистских «интенций» просматривается в нем, тем очевидней становится: то, что сегодня выдается Западом за «мультикультурализм», есть, на самом деле, неолиберальная «модель» «постмультикультурализма», направленного на ниспровержение «непознаваемых» для современного Запада (а потому и «порочных») «метафизических» канонов национальной традиции, общекультурной и исторической идентичности, национальной словесности и культуры, еще сохранившихся за пределами «познаваемости» западного мира. Чего стоят рассуждения постмодернистов о национальных культурах с более чем тысячелетними историями, имеющих естественноисторическую «природу», как о «проектах культуры», существование которых можно продолжить, приостановить или вовсе остановить. Хотя уже сам факт появления постмодернизма есть, по сути, констатация сворачивания «проекта» западноевропейской цивилизации и ассоциируемых с ней культур, процесс разложения которых, непосредственно связанный с целенаправленной «прививкой» им идеологии «конструкции-деконструкции», только оттягивает момент ее окончательного «заката».

Если вспомнить, что в англо-саксонском рационалистском представлении «мир» не только «трансэмпиричен» (объемлет пространство обитания человека и его практической деятельности), но и включает в себя жизненно-познавательный опыт как внешний, а не внутренний «ресурс», – становится понятно, что мечта о «конструкции-деконструкции» культур не-западного мира коренится на возделанной почве. А поскольку существуют внешние условия опыта, выступающие его причиной, то человек, постоянно испытывающий на себе воздействие «мира» как «вызов», стремится дать на него адекватный «ответ». Но если «мир» – культура, экономика, наука – не являются результатом деятельности человека и человек не вырабатывает в процессе этой деятельности опыт, а черпает его из внешнего «мира», где он выступает не субъектом, а исключительно объектом, то и сама западная цивилизация является неким «проектом», подвергающимся цикличной «доделке»–«переделке». Сказанное означает, что современный «мультикультурный» дискурс, направленный на «бесконечно плодущее разнообразие» вариантов неограниченного процесса не может стать панацеей от «вызово-ответного» замкнутого круга: в условиях, когда «вызов» неизбежно рождает «ответ», такой подход как минимум порождает «бег по кругу» (вызов-ответ – ответ-вызов) (фукуямовский конец истории), а как максимум – «Вызов» на «вызов», ответ на который «инициирующей» стороной может и не быть найден (хантингтоновское столкновение цивилизаций).

Этот факт позволяет понять, почему Запад (будучи сам «проектом») для достижения намеченных целей избирает единственно приемлемую для себя тактику «взаимодействия» с окружающим миром: тактику «вызова» – решения проблемы через конфликт как культурную традицию (в условиях глобализации – это тактика силового навязывания нравственного и правового нигилизма). В рамках идеологии глобальной «конструкции-деконструкции», использующей «модернизационные» технологии нового поколения, не-западному миру навязываются ложные идеи и цели, а собственному обществу – разного рода «экзистенциальные доминанты», формирующие «человека массы», не способного к конструктивному культурному творчеству (Ж. Делез, Ж. Бодрийяр), отчего на фоне гиперактивности «сообществ» с ликвидирующейся, нейтральной, скрытой или внезапно возникающей идентификацией наблюдается затухание деятельности созидательной направленности. Более того, новейшие «социальные технологии» трансформации масс, направленные на создание глобальной «информационной массы» как новой культурной модификации человечества, навязываются повсеместно под видом «общечеловеческих» ценностей, а зависимость человека от «массовых стратегий» информационного

общества не рассматривается с позиций антропологического кризиса. Этот факт позволяет понять, почему возникновение информационного общества «невозможно объяснить с научно-прогностической точки зрения» [15, с. 11], отчего его «следует рассматривать не как закономерный результат развития либерального капитализма, а как чисто интеллектуальную конструкцию его желаемого будущего» [Там же].

На самом деле, по мнению М. Фуко, формирование человека массы начинается с Нового времени, когда человек становится «ставкой в политических стратегиях» новой – социально-экономической – формации, где он выступает лишь как «живое тело». Следствием становится «нечто вроде анимализации человека, осуществляемой посредством тончайших политических технологий», когда становится одинаково возможным как «защитить жизнь, так и оправдать принесение ее в жертву» [20, с. 152]. С этой целью «современная культура производит чудовищную редукцию человека, послушного биологическому организму. Причем этот процесс объясняется “заботой и экономической целесообразностью”» [14, с. 34]. По мнению Д. Агамбена, такая политика (удивительным образом согласующаяся с «проектом» мультикультурализма как одного из действенных «инструментов» управления процессами дезинтеграции в контексте «естественного отбора») «направлена на уничтожение бедных классов», что позволяет мультикультурным обществам не только воспроизводить внутри себя «народ исключенных», но и погружать в «голую жизнь» «все население третьего мира» [1, с. 229]. В условиях, когда 1) понятие «третьего мира» стало экстерриториальным; 2) нынешний мировой кризис привел к увеличению числа «исключенных»; 3) «топосы третьего мира могут возникнуть и возникают повсюду» [14, с. 35], начинают восприниматься как норма, существует опасность, что «потенциально почти все люди попадают в эту зону неразличимости голой жизни» [Там же].

В этом контексте прививаемый на российской культурной почве «мультикультурализм» выступает не только как предикат «мозаичного» социума, в разных «моделях» репрезентируемый в западном мире, в нем «имплицитно присутствует опасность возникновения массовой маргинальности, коей... присуща криминальная направленность мышления» [16, с. 332], что требует самого серьезного осмысления.

Между тем в современном западном обществе, дезинтегрируемом уже не только по культурному, групповому, этническому, но и по гендерному признаку как «инновационному» средству дифференциации общества, за публичным обсуждением проблем мультикультурализма стоят в том числе неопрагматистские устремления-установки. Отказ от принципа ненавязывания «плюрализма форм жизни» в условиях встроенности неолиберальной «модели» «мультикультурализма» в политический дискурс, настойчивая «интервенция» последней в сферу культуры и образования становится грозным предвестником не просто «заката социального», выродившегося в его «симулякр» (Бодрийяр) (как традиционной «континентально-европейской» проблемы), а конца «русского мира» в его зеркальной западной мировоззренческой самовыраженности. И хотя, по мнению западных аналитиков, политика мультикультурализма на самом Западе потерпела крах, «мультикультурный» подход как инструмент дестабилизации продолжает использоваться Западом при вмешательстве в дела не-западных государств, попадающих в зону его экономических и политических интересов. Речь идет не только о делении населения Ближнего Востока на мусульман и христиан, но и о делении самих мусульман на шиитов, суннитов, салафитов и столкновении их между собой. Ирак, Тунис, Египет, Ливия, Йемен, Сирия – тому лучший пример.

С этой точки зрения, интерес вызывает методология применения «мультикультурного» подхода к многогосударственным государствам в эпоху «достижения» политической глобализации. Например, методология приложения мультикультурализма к условиям многонациональной России чрезвычайно проста. В ее основании лежат:

1) макиавеллиевский принцип «разделяй и властвуй». В условиях радикальных социокультурных трансформаций его реализация начинается со смены этнокультурной модели российской нации на этатистскую [11, с. 32-36], что находит выражение в том числе в смене «тезауруса» нового политического «дискурса», хотя такая смена моделей нации отражает «инволюцию» с точки зрения истории политических и правовых учений;

2) внедрение в общественное сознание категориального аппарата, содержащего новую семантику описания современных обществ, разработанную с учетом конкретных практико-правовых и политических интересов Запада. Перенос его на почву многонациональной России предстает в «ипостаси» переписывания ее истории в терминах «мультикультуры», что означает не только сделать ее таковой, но и отсечь возможность возврата к традиционному для нее способу мышления и «многонациональному» способу бытия. Ставка делается как а) на «информационную интервенцию», путем вбрасывания в общественное сознание «фактов», вырванных из контекста истории, б) на «синдром плюралистического и правового невежества», в) на «провокацию субъективности» и «репрессивную толерантность»¹ как социальные технологии, разрушающие привычную картину мира, так и на «эксплуатацию» пассионарности «малых» (прежде всего – кавказских) народов, что в условиях насаждения хаоса как нового миропорядка ведет к возникновению в России «цунами» «периферийного национализма, который чаще всего воплощают в себе власти российских республик» [16, с. 333]. А это – худшая для многонациональной России «модель» мультикультурализма;

3) замалчивание отдаленных последствий «периферийного национализма», вырастающего на почве не только «этнического эгоизма», но и «столичного снобизма», связанных с притязаниями на узаконивание исключительности отдельных форм социальной идентификации. Здесь «мультикультурализм» как манифестация «плюрализма» этнических и культурных «форм жизни» выступает инструментом тотальной дискриминации – «не втискиваемого» в «прокрустово ложе» последнего – «исторического» большинства, более тысячелетия обеспечивавшего единство и стабильность функционирования государства и выживания нации со стороны этно- и мультиидентичного меньшинства;

¹ Поскольку, по мнению Г. Маркузе, толерантность не может означать одно и то же для жертвы и палача, то «репрессивная толерантность» есть, по сути, требование толерантности от жертвы к своему палачу.

4) насаждение в молодежной среде инструментальных ценностей (ориентацию на индивидуальную независимость и личный успех), имманентно присущих Западу, взамен коммуникативных (ориентацию на ближайшее окружение и общие цели), исторически свойственных России, в то время как в мультикультурной «Европе в целом... зафиксирован баланс обеих ориентаций» [2, с. 40];

5) требование толерантности к политике бесконтрольной иммиграции;

6) подстрекание образованных и состоявшихся россиян к эмиграции и оппозиции к власти и т.д.;

7) насаждение в общественном сознании идей «принципиальной негомогенности и децентрации» российского общества [6, с. 126] и западных «рецептов» по созданию и решению межэтнических проблем;

8) встроение идеи мультиидентичности в дискурс и технологии власти как нормы.

В условиях провала идеологии мультикультурализма на самом Западе, «мультикультурный» подход следует рассматривать как «вирусный вброс» в незащищенные «антивирусом» не-западные системы культуры. А, как показывает история, самой эффективной «антивирусной» системой защиты является культурный консерватизм как национальная идея.

Если учитывать, что в многонациональной России любые попытки «культурной гибридизации» традиционно терпели крах, насаждение любой из «моделей» мультикультурализма равносильно несовместимой с жизнью «культурной травме», разрушающей целостность пока еще живой культурной ткани, что способно уже сегодня превратить Россию в «химеру» (Л. Н. Гумилев). России нет дела до проведения «антиуниверсалистской политики культурных различий» на самом Западе с его «зеркальными» нашим культурой и мышлением. В конце концов, это дело вкуса – искать «восхищение и уважение» в том, что большинство с «отвращением отвергли». Волнует другое: сам Запад, призывающий к тотальной толерантности, не ищет оснований для уважения иных, чем у него, общественных и культурных «укладов» России, стран Востока и Азии.

Отказ от признания права на их существование в рамках им же сформулированной неолиберальной «модели постмультикультурализма», постулирующего «плюрализм форм жизни», должен приравниваться международным правом к сознательному нанесению вреда последним. Это тем более так, если принять во внимание, что сам по себе «плюрализм форм жизни», по сути, «превратился в медиум социальных размежеваний...», которые отныне включают в себя наряду с этничностью пол (gender) и сексуальную ориентацию» [12, с. 107], навязываемый всем, кто их «с отвращением отверг». Если принять во внимание, что навязчивым проталкиванием «плюрализма форм жизни» занимаются такие «демократически конституированные национальные государства», как «Северная Америка, Австралия и Западная Европа», то объяснение неприязни к иному, чем у них, общественному и культурному «укладу» следует искать в исторически сложившейся на Западе «модели» «односторонней» демократии, нашедшей выражение как в длительной истории «угнетения (и же – авт.) своих “коренных народов” в период колонизации и сталкивающихся сегодня с резким изменением этнического состава населения в метрополиях» [Там же], так и во внутренней политике мультикультурализма, проводимой с целью «отвлечения внимания от социально-экономических проблем на... искусственно сконструированные этнокультурные» [8, с. 188] проблемы. Не удивительно, что рассматриваемые сквозь призму «плана содержания» «мультикультурализма» политические системы означенных стран, якобы «основанные на нормах равенства», подпадают «под подозрение в намеренной дискриминации» [12, с. 107] всех культурно «иных», хоть в «плане выражения» «мультикультурализм» и репрезентируется как «модель» толерантности. В ней явственно прослеживаются интересы «постмультикультурного» Запада, сознательно отказавшегося от «универсалистской» идеи Просвещения, в пользу «трансформистской» («конструкция-деконструкция») идеологии, кардинально расходящейся с интересами России, если только Россия намерена сохранять свой статус субъекта мировой истории. В этом контексте насаждение в многонациональной России идеологии «мультикультурализма» в любой из его «моделей» есть прямой путь к небытию.

На фоне нынешних экономических и этносоциальных тенденций – если, конечно, они будут сохраняться – мультикультурализм уже не выглядит как конкурентоспособная идеологическая альтернатива: он не только ставит под угрозу стабильность современных европейских либеральных демократий, но и вполне способен развенчать западную «демократическую» идеологию в ее нынешнем неолиберальном понимании. Для многонациональной России – это единственно приемлемое решение проблемы.

Список литературы

1. Агамбен Д. Homo sacer: суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. 256 с.
2. Артемов Г. П. Россия и Европа: социокультурная динамика на рубеже веков // Социальная реальность и социальные теории: материалы Международной научной конференции. СПб., 1998. С. 37-54.
3. Веселова В. В. Философские проблемы экономической интеграции в современных условиях мирового хозяйства // Современная наука и философия для будущей России: материалы Всероссийской научной конференции студентов-исследователей, преподавателей, аспирантов и молодых ученых. М.: Компания «Спутник+», 2008. С. 30-33.
4. Зарема З. М. Концептуальные основы юридического плюрализма // Философия права. 2010. № 4 (41). С. 122-124.
5. Колесников А. С. Обозримые тенденции становления философии в начале XXI века // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 2006. С. 5-38.
6. Кушнарева Е. С. Мультикультурализм в США // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (7). С. 125-127.
7. Малиновский П. В. Глобализация 90-х годов: время выбора // Глобализация: контуры XXI века: реф. сб. / РАН ИНИОН; Центр научно-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. М.: ИНИОН РАН, 2004. Ч. I. С. 5-35.
8. Мультикультурализм: порождение или альтернатива глобализации? // Глобализация и мультикультурализм: монография / отв. ред. Н. С. Кирабаев. М.: Издательство РУДН, 2005. С. 134-198.
9. Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры. М.: Изобразительное искусство, 1983. 343 с.

10. Оглезнев В. В. Трансформация государственной власти в условиях глобализации: социально-философский анализ // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 2 (3). С. 165-173.
11. Оль П. А., Ромашов Р. А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъектности). СПб., 2002. 144 с.
12. Радтке Ф. О. Разновидности мультикультурализма и его неконтролируемые последствия // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М.: Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии, 2002. С. 103-115.
13. Самохвалова Т. А. Демократический тоталитаризм массовой культуры // Человек в контексте культуры: сборник научных трудов / под ред. О. Ю. Марковой. СПб., 1998. С. 43-46.
14. Смирнов К. С., Барковская А. Ю. Homo sacer: к вопросу о праве на жизнь в условиях антропологического кризиса // Философия права. 2012. № 2 (51). С. 33-41.
15. Стрельченко В. И. Научная рациональность: pro et contra // Философия права. 2012. № 2 (51). С. 7-16.
16. Тишков В. А. Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М.: Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии, 2002. С. 331-350.
17. Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005. 544 с.
18. Федотова Н. Н. Мультикультурализм и политика развития [Электронный ресурс]. URL: <http://www.old.jourssa.ru/2006/3/3aFedotova.pdf> (дата обращения: 04.04.2015).
19. Флиер А. Я. Культурогенез. М., 1995. 128 с.
20. Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2006. 320 с.
21. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. 635 с.

**“MODELS” OF MULTICULTURALISM AND METHODOLOGICAL POSSIBILITIES
OF THEIR APPLICATION TO CONDITIONS OF CONTEMPORARY MULTINATIONAL RUSSIA
(EXPERIENCE OF CONCEPTUAL RECONSTRUCTION)**

Antonova Elena Leonidovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Belgorod State Institute of Arts and Culture
antonova.bgik@yandex.ru

Taranova Aleksandra Evgen'evna, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
taranova.bsu@yandex.ru

In the article the authors reveal the understanding of multiculturalism as a cultural-historical phenomenon and as a tool of modern politics. The research is based on the analysis of the multicultural nature of the western civilization through the lenses of conceptual reconstruction. Special attention is paid to the consideration of the “models” of multiculturalism as “tools of influence” on transformable societies in the era of political globalization. The methodology of the application of the ideology of multiculturalism to the conditions of the modern Russian society is comprehended.

Key words and phrases: multiculturalism; cultural trauma; transformation; sociocultural processes; globalization; eurocentrism, identity; postmodernism.

УДК 031.2

Искусствоведение

Поскольку внимание авторов направлено на осмысление статуса народного песенно-музыкального творчества в разные конкретно-исторические периоды, в статье рассматривается трансформация жанра народной песни в песенно-музыкальную форму народного художественного творчества в ходе исторической динамики народной художественной культуры. Особое внимание уделяется рассмотрению исполнительской специфики как ведущему фактору региональной «изменяемости» народной песни.

Ключевые слова и фразы: народная песня; трансформация; народное песенно-музыкальное творчество; историческая динамика; народная художественная культура; региональная изменяемость.

Антонова Елена Леонидовна, к. филос. н.
Белгородский государственный институт искусств и культуры
E-pi-fan@yandex.ru

Таранова Александра Евгеньевна, к. соц. н., доцент
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина
taranova.bsu@yandex.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА НАРОДНОЙ ПЕСНИ В ПЕСЕННО-МУЗЫКАЛЬНУЮ
ФОРМУ ТВОРЧЕСТВА В ХОДЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ
НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ**

Преимущества социокультурного опыта русского крестьянства заключались в том, что в силу природно-климатических и культурно-исторических условий народное художественное творчество в его исторически ранних, традиционных и позднетрадиционных формах сохранялось на уровне функционирования вплоть